

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗЛИЧИЕ ПУТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ЦАПФ Вольфганг - профессор, доктор, директор проекта, Берлинский научный центр социальных исследований.

В статье сделана попытка внести вклад в дискуссию о модернизации и теории модернизации с тем, чтобы объединить эволюционную перспективу процессов конвергенции с перспективой различия путей развития. Это позволит понять "поразительное сходство" [1, р. 128] происходящих в последнее время перемен, не постулируя онтологически целей истории, необходимости прогресса или победы коммуникаций над насилием.

Модернизацию я рассматриваю в трехмерном временном плане: во-первых, как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа сегодня модернизированных обществ; во-вторых, как многообразный процесс, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; в-третьих, как попытки модернизированных государств дать ответы на новые вызовы на пути инноваций и реформ.

Трансформационные проблемы посткоммунистических обществ после 1989 г. придали новый импульс дебатам о модернизации. Поэтому в первом разделе рассматриваются "теоретические сферы" изучения трансформаций и типологии трансформирующихся обществ. Во втором разделе обсуждаются теоретические подходы к объяснению альтернативных путей развития. В третьем описывается трехуровневая модель современного мирового общества и варианты, возможные на каждом из этих уровней. В заключение дается краткая оценка развернувшейся дискуссии по проблемам модернизации.

I

Очень недолго - конец 1989 г. - вопрос о направлении общественного развития казался окончательно решенным. Падение социалистических режимов и переход многих стран от авторитаризма к демократическим системам интерпретировались как победа западной либеральной демократии. Конечно,

не в смысле преодоления бедности и конфликтов, но как конец возможности крупных конфликтов. В "третьей волне" демократизации между 1974 и 1990 гг. примерно 30 стран начали переход к демократии [2]. Казалось, реализуется то, что структурный функционализм описывал как перспективу утверждения определенных базовых институтов: по Т. Парсонсу [3] это развитие эволюционных универсалий в ходе дифференциации, роста статуса, общности ценностей и включения.

Подтверждена классическая формула модернизации Р. Бендикса:

"Под модернизацией я понимаю тип социальных перемен, имеющих корни в английской индустриальной и политической французской революциях. Он заключается в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих перемен у отстающих" [4, S. 506, 510].

Теория диффузии и догоняющего движения объясняет стратификацию международного общества, конкуренцию в защите преимуществ и ликвидацию отсталости, а также долгосрочные подвижки в ранжировании вырвавшихся вперед и отставших. В политико-экономическом и общественно-политическом плане эти представления в переломные 1989/90 гг. подкрепили убеждение, что уход командной экономики и диктатуры высвободит универсальные инновационные силы, ускорятся сдерживавшиеся процессы формирования институтов и будут мобилизованы мощные внутренние эволюционные силы, позволяющие рассчитывать на быстрые экономический рост и политическую демократизацию, что оправдает жертвы болезненного, но краткого перехода.

Через шесть лет после этих драматических событий мы видим, что трансформации не только гораздо болезненнее ожидавшихся, но и что иногда они вообще под вопросом. "Провалы модернизации" [5] описаны во многих работах по теории модернизации и хорошо документированы историческим материалом XIX в., особенно в Латинской Америке. Но в отношении трансформации посткоммунистических обществ едва ли кто-то рассчитывал на провалы и откаты назад, порой грозящие существованию государств и наций. За минувшие годы ученые выявили теоретические ошибки 1989/90 гг., которые не должны повториться при продумывании проблем различия путей развития общества.

К таким теоретическим ошибкам, во-первых, относится недооценка регресса в случаях создания при старом режиме государств и наций путем принуждения и насилия. Во-вторых, был забыт принципиальный факт, что инновации сопровождаются преодолением сопротивления инерции, страха перед новациями и сложившихся интересов. Иными словами, и в посткоммунистических странах есть более или менее крупные общественные группы, части населения, сопротивляющиеся быстрой демократизации и переходу к рынку. В-третьих, последние исследования национальных экономик [6] показали, насколько хрупки инфраструктурные сети, то есть связи капитала, ноу-хау, инноваций, и как системные перемены разрывают достаточно прочные инфраструктуры, но не создают или создают лишь слабые внутренние новые инфраструктурные сети. В-четвертых, обнаружился принцип

"движущихся целей" [7], то есть турбулентная среда, когда трансформирующиеся общества обретают конкурентов, не оставляющих им времени на развитие, и отставание от передовых возрастает. Принцип "движущихся целей" означает, что образцовые общества потеряли безопасность, которая у них была в период холодной войны, что вызывало после краха социализма симптомы кризиса.

В статье "Большая трансформация" Ж. Бжезинский говорит и о других ошибках. Ожидания трансформирующихся обществ были слишком высоки, а представления о затратах и способности к перестройке слишком наивны. Трансформация виделась как непрерывный процесс, а на практике - это чередование конфликтных стадий, когда достижение одной стадии не обеспечивает достижения следующей. Часто было невозможно своевременно или одновременно создать политические предпосылки хозяйственных реформ, что приводило к несоразмерно шоковой терапии, к наращиванию роли государства во имя обеспечения реформ. Бжезинский делает отрезвляющий вывод:

"Глядя из сегодняшнего дня, политически и экономически успешная либеральная демократия не является предопределенным результатом за исключением может быть пяти из 27 посткоммунистических государств" [8, с. 12]. Это Польша, Чешская республика, Венгрия, а также Словения и Эстония. Восток Германии Бжезинский не упоминает, считая этот вопрос решенным.

Работы обществоведов по проблемам трансформации оказались в целом реалистичнее, чем стратегии большого взрыва и программы 500 дней. Это, на наш взгляд, заслуга сравнительного подхода к теории модернизации, который позволяет сопоставлять события в Восточной Европе с другими образцами трансформаций:

1. Западная Германия, Япония и Италия после 1945 г. Здесь переход к демократии и рынку шел под надзором и при материальной поддержке держав-победительниц. Речь шла о "наложении" [1], переходе под воздействием сверху и извне. Трансформация решала одновременно задачи демократизации и введения рыночной экономики. Не было дефицита времени. Подъем после поражения шел медленно, ожидания росли постепенно. Старые элиты частью заменялись, частью использовались.

2. Испания, Португалия и Греция после 1974 г. В этой группе речь шла об устранении политических диктатур в обществах, знакомых с демократией и рыночной экономикой. Происходил "договорный переход" [1]: компромисс старых и новых элит по поводу условий передачи власти. Многие авторы в 1989-90 гг. подчеркивали, что в Испании и Португалии до консолидации прошло почти десять лет.

3. Процессы в Латинской Америке трудно описать кратко. Заметно большее число прерванных трансформаций, неоднократных откатов и от диктатуры и демократии даже после длительных периодов экономического роста. В литературе [ср. 9] показано, что одно из условий успеха демократизации в Латинской Америке - гарантии ранее господствовавшему слою со стороны

прежде нижних слоев общества, - в известном плане тоже "договорный переход".

4. Процессы в ряде азиатских стран на первый взгляд опровергают тезис школы зависимости (Dependencia) о "развитии слаборазвитых", то есть о проникновении капитализма как причине неразвитости. Сначала "четыре малых тигра" (Ю. Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур) показали, что в рамках мировой системы капитализма возможно самостоятельное развитие. Сейчас Таиланд, Малайзия и Индонезия - страны экономического роста. У них общее то, что до недавнего времени их население жило в бедности, а демократические реформы отстали от темпов роста экономики.

5. В мировом масштабе есть две альтернативы переходу к демократии и рыночной экономике. Есть "социалистическая рыночная экономика" КНР. Китай - первая коммунистическая страна, которая активно борется за капиталистические инвестиции и предоставляет им большой простор, получая взамен высокие темпы роста. Однако партия сохраняет политический контроль и подавляет попытки демократизации и расширения партиципации. Это, как и жесткое деление общества на номенклатуру, новых богачей, остальное население и т.д., противоречия между городом и деревней создают мощный потенциал конфликтов. Вероятно, этот потенциал выльется во фракционные схватки и попытки сецессии, если не будет уступок в плане демократизации и федерализации. Вторая альтернатива - страны исламского фундаментализма, которые ценят культурную самобытность и политико-религиозную экспансию выше экономического развития. Но и они подвержены воздействию модернизации по меньшей мере через индустриализацию, в частности, - создание военной промышленности.

6. Если сравнивать трансформирующиеся страны Восточной Европы с названными группами, обнаружится, что здесь не было внешнего принуждения в сочетании с материальной помощью, как это было после оккупации 1945 г. Далее, сочетание требований демократии, роста и благосостояния намного превышает наличные возможности [10], а недостаток внутреннего капитала и времени затрудняет возникновение новых элит и предпринимателей, но содействует старым кадрам и мафиозным структурам. В критических случаях, как в бывшей Югославии и в некоторых частях СССР, ставится под вопрос даже национальное единство: возникает угроза регресса, а не рост, как в стабильных странах Америки и Азии.

7. Насколько труден процесс трансформации, хорошо видно на примере самого "благоприятного случая" - Восточной Германии. Здесь социалистическая система переведена в действующую демократию и рыночную экономику, в "ready made state" (готовое государство) [11], которое осуществило гигантский перенос капитала и знаний. Несмотря на это, есть сложные проблемы перехода: многие связи бывшей ГДР разрушены, значительные группы населения должны терпеть радикальную потерю статуса и безработицу, а вхождение в ФРГ часто воспринимается с бессилием как решение чужаков [ср. 12].

В итоге можно сказать: общее в процессах трансформации - принципиальная известность целей развития, демократия, рост, социальная защита.

Пытаются достичь этого путем заимствования или создания по имеющимся моделям базовых институтов обществ-образцов: конкурентная демократия, рыночное хозяйство, социальное государство и массовое потребление. Однако есть заметные различия в темпе идущих процессов, в расстановках элит и населения, в консенсусе элит и др. [ср. 1, 13]. Напротив, модернизация в широком смысле - это поиск с неизвестным результатом. Для решения обществами стран ОЭСР* новых для них проблем экологической нагрузки, изменения структуры занятости, социальной интеграции и т.п. есть только путь проб и ошибок, реформ и инноваций. То есть, мы понимаем трансформацию как часть "догоняющих" процессов модернизации внутри целостного принципиально открытого "продолжения модернизации" [ср. 14]. Но мы также считаем, что не только нет единого, тем более линейно поступательного пути к современному обществу, но у догоняющих нет и единого пути успешной трансформации. Мы скорее видим ограниченное число путей развития и объяснения такого различия.

II

Проблемы различных путей общественного развития четко сформулировал М. Вебер. Спенсер, Дюркгейм, а также Маркс исходили из линейной прогрессии. Вебер же видел "особый западный путь", поставив вопрос, почему только на Западе есть капиталистическое развитие и рационализация во всех сферах общества, государства и культуры. Ответ его - это в сущности культуралистская теория, которая связывает "дух капитализма" с единовременным появлением "протестантской этики". По-иному, но в итоге так же, показывает развитие Запада теория цивилизации Н. Элиаса: однократный процесс, - результат не планировавшихся последствий сложной системы действий традиционного общества; без общего плана, но направляемый процесс.

1. Теория особого пути сегодня вновь по нескольким причинам актуальна. Ряд авторов, напр. Клаус Оффе [15], доходят до утверждения, что страны ОЭСР - исторический уникум, структуры и результаты которого не универсальны. В подтверждение приводят имманентную границу роста, которая явно не допускает распространения на весь мир западного способа производства с его расходом ресурсов и нагрузкой на окружающую среду хотя бы из экологических причин. Другими ограничителями считаются политические нагрузки, проблемы национального распада, этнических конфликтов и вытекающих отсюда массовых перемен. Но прежде всего сами богатые модернизированные общества предписывают миру, в том числе и тем, кто догоняет, военные, финансовые и иные условия. К тому же догоняющие лишились выгод от соперничества времен холодной войны. Это напоминает аргументы школы зависимости (Dependencia) и мировых систем.

2. Второй теоретический подход может быть назван "моделью расходящихся путей" (теория перекрестков - 16), фуракация общественного

---

* Организация экономического сотрудничества и развития.

развития в критически поворотных точках. Такие представления формулируются чаще всего в терминах стратегических коалиций, образующихся в условиях кризиса или подъема и на какое-то значительное время определяющих дальнейшее развитие. Классическим примером в литературе 60-х гг. [ср. 17] служат У. Ростоу [18], Б. Мур [19] и Ш. Роккан [20].

Крах социалистических режимов можно рассматривать как критическую ситуацию фуркации с возможными альтернативами регрессии, стагнации и трансформации. В глубоком анализе положения в Советском Союзе Клаус Мюллер [21] показал преграды на пути модернизации, которые делают вероятными скорее стагнацию и даже регресс России, чем активный процесс трансформации. Вопреки предсказаниям теоретиков модернизации в Советском Союзе не сложилась признанная элита с ясной целью модернизации. Напротив, после распада единой партии образовались соперничающие группировки, неспособные договориться о направлении движения. В обществе это воспроизводит групповые эгоизмы разных частей населения, затрудняя формирование общественного договора. И, наконец, конфликты национальных групп заслонили цели единой координируемой трансформации, содействовали стагнации и распаду.

3. Еще один теоретический подход усматривает различия путей развития *внутри* специфической группы обществ. Г. Эспинг-Андерсен [22] в книге "Три мира социального капитализма" различает три пути развития западных модернизированных обществ. Речь идет об альтернативных режимах и альтернативных формах политики, экономики и культуры для аналогичных проблем по причине различия исходных позиций или/и комбинации иных условий. Первый путь - либеральное государство благоденствия (социальный капитализм) в англосаксонских демократиях. Второй - корпоративные консервативные социальные государства: Германия, Франция и другие страны континентальной Европы. Третий - социал-демократические социальные государства Скандинавии.

Объяснением этой фуркации выступают уже не более или менее однородные проблемы индустриализации, экономического роста и демократизации, а различия форм мобилизации классов, политических классовых коалиций и вытекающих отсюда традиций и стилей политики. В рамках такого подхода можно изучать и прогнозировать сближения и комбинации разных путей. Так, В. Штрек [23, S. 27] в тенденции к глобализации видит тяготение к "дерегулируемому" англо-американскому пути, в отличие от успешной в целом "рейнской модели". Другие авторы, напротив, выделяют эндогенные, национальные силы, которые, в частности, Швеции позволили лучше других организовать некоторое отступление от стандартов государства благоденствия [ср. 24].

И в отношении посткоммунистических стран не раз говорилось о множественности путей развития [ср. 15, гл. 9; 25]. М. Брие [26, S. 45-47] охарактеризовал три различных пути. ГДР (Восточная Германия) - особый случай "направляемого извне" переноса институтов, о чем говорилось выше. В других странах - Польше, Венгрии, Чехии, мы видим "эндогенно управляемый импорт институтов". Это - не раз показанное в литературе противоречие

между заданным извне, но интенсивно стимулируемым изнутри переходом и самостоятельной, трудной перестройкой, в которой во власть попадает даже часть старых кадров. Суть анализа Брие, относящаяся прежде всего к России, это все же третий путь: "аномийно спонтанная" эволюция. Ею управляют [ср. выше 21] не по консенсусу; но и она не полностью катастрофична и хаотична. Спонтанно из "сгустков" межперсональных связей возникает некий порядок, в котором государственно-социалистические и хозяйственно-теневые элементы смешиваются так, что появляется возможность выжить, но остается открытым вопрос стабильности итогов трансформации.

4. Наиболее актуален сегодня четвертый подход, связанный с институтами экономики. Он, на наш взгляд, убедительно показывает возможность связать перспективу эволюционного отбора с перспективой институциональной преемственности. Оптимизирует не только всевластный принцип. Удовлетворительные методы и институциональные регуляторы действуют и на субоптимальном уровне. Это сформулировано нобелевским лауреатом Д. Нортон:

"Задаю сейчас два принципиальных вопроса об общественной, политической и хозяйственной эволюции. Первое: что определяет различия пути эволюции обществ, политических режимов и народных хозяйств во времени? И второе: как мы объясняем выживание экономических систем, которые длительное время демонстрируют большой дефицит производительности?" [27, р. 92].

Первый вопрос касается причин различий в путях развития, второй - объясняет, почему эволюционная селекция с течением времени не элиминирует неэффективные и субоптимальные институты. Оба вопроса соотносятся с теоретической моделью, которая первоначально разработана в сфере технических инноваций. Часто приводят в этой связи пример расположения букв латинской клавиатуры пишущей машинки. Это столетняя традиция, хотя многие инженеры предлагали гораздо более рациональное расположение.

Экономисты объясняют факт сохранения по экономическим критериям субоптимальной техники принципом "зависимости от пути". По причине исходного совершенно случайного предпочтения субоптимальная техника может приносить результаты, и ее не могут настичь конкуренты, что основано, в частности [ср. 28], на:

? повышении производительности труда благодаря освоению в ходе постоянного употребления,

? повышении эффективности через распространенность и возможность дополнения,

? снижении стоимости, уменьшении сопротивления пользователей, избегающих риска, а также

? включении в смежные системы.

Так возникает вопрос о возможности распространения на процессы в обществе и экономике принципа зависимости пути, согласно которому направление развития есть результат инкрементальных перемен, детерминирующих от известной точки дальнейший ход событий (lock-in). Как правило, на этот вопрос дается утвердительный ответ. "Есть две силы, определяющие

путь институциональных перемен: рост доходов и незаполненные рынки с высокой стоимостью транзакций" [27, р. 95]. Высокие доходы позволяют утвердиться организациям и институтам даже при наличии лучших альтернатив. Незаполненные рынки, ограниченная обратная информация и высокая стоимость транзакций мешают эволюционной селекции, позволяя утверждаться субъективизму действующих лиц, заметному влиянию идеологических предпочтений.

Один из приводимых Нортон примеров касается различий развития Северной и Южной Америки. Та и другая порвали с прошлым революционным путем; к тому же после революции в Латинской Америке вводились конституции североамериканского типа. "Из этого следует..., что введение однородной системы регуляторов в обществах с различными институтами ведет к совершенно разным результатам" [27, р. 101]. Это правило применимо и для ситуаций после экстремальных воздействий извне (революции, войны, природные катастрофы). Хотя теория не может их предсказать, она все же предполагает, что даже после таких разрывов значимость старых институтов сохранится.

"Зависимость пути означает, что история важна. Мы можем не понять сегодняшние предпочтения... без отслеживания инкрементальной эволюции институтов [27, р. 100]. Но если эта информация звучит как сообщение о неумолимом, предопределенном развитии, это не так. На каждой ступеньке этого пути есть политические и экономические возможности выбора, есть реальные альтернативы. Зависимость пути - это средство концептуального ограничения массы возможностей выбора и принятия решений во времени. Это не история неминуемых процессов, когда прошлое четко определяет будущее" [27, р. 98-99].

К концептам зависимости пути и "lock-in" следует подходить критически. Они позволяют показать, что успешно модернизирующиеся общества находятся на пути, где они не видят лучших (напр., повышающих справедливость распределения) путей. Как и то, что успех может быть лишь внешним при недооценке недостатков этого пути в перспективе. В принципе это аргументы критиков модернизации, в частности, концепции "рефлексивной модернизации" У. Бека [29].

III

Какие теоретические уроки можно извлечь из опыта модернизации и трансформации и из показанных выше теоретических подходов? На мой взгляд, есть достаточно материала для связи теории эволюции и диффузии с теориями различия путей развития.

В глобальном масштабе мы можем исходить из наличия весьма стратифицированного мирового общества. Страны ОЭСР здесь - верхний слой модернизированных обществ с конкурентной демократией, рыночной экономикой, социальным государством и массовым потреблением. Эти государства доминируют в смысле теории эволюции, они - образцы в плане

теории диффузии и догоняющего развития. Здесь я следую не школе мировых систем, которая подразумевает активное доминирование ("господство"), а скорее модели структур интернационального неравенства. В слое модернизированных обществ есть резкие различия, которые в терминах зависимости пути можно понять как альтернативные. Для догоняющих обществ это означает выбор образцов и по меньшей мере теоретическую возможность найти через комбинации элементов собственные пути, соответствующие возможностям их институтов.

Среди трансформирующихся обществ мы также находим ряд различий в путях к модернизированному сообществу. Наиболее радикальная альтернатива западной модернизации - коммунистическая революция и социалистическое развитие - после 70 лет утратила силу и в результате острого международного соперничества, перенапряжения возможностей выбыла пока из борьбы. Структурно-функциональные прогнозы, например, Т. Парсонса [3] в этом случае оказались пророческими.

Третья самая крупная группа современного мирового общества - слабо-развитые страны, которые борются сейчас за достижение цивилизационного минимума элементарных базовых потребностей населения: продовольствие, здравоохранение, образование и т.д. Это происходит в условиях тесного международного переплетения, конкурирующих влияний со стороны обществ-моделей и крупных международных организаций. Наряду с этими тремя слоями есть, как показано выше, особые случаи Китая и исламского фундаментализма. Эти две общественные формации могут теоретически стать исходным пунктом альтернатив модернизации, демократической и рыночно-экономической трансформации.

В настоящее время самая напряженная дискуссия идет по вопросу о наличии особого (восточно-) азиатского пути модернизации, модернизации, которая не только равноценна западной, но превосходит ее и будет определять грядущее столетие. Я не касаюсь здесь попыток обнаружить самостоятельный азиатский путь в рационализме М. Вебера. Я скорее отмечаю теоретические и политические дебаты, играющие сейчас для Азии важную роль.

С. Хантингтон [2] считает, что из сочетания экономического успеха и азиатской культуры возникнет специфическая форма демократии, которая признает конкуренцию, но не смену властей, так как консенсус и стабильность важнее ценностей конкуренции и перемен. Япония была здесь первопроходцем. Но в последнее время и в Японии произошли перемены во власти. Азиатские обществоведы считают, что бюрократически-авторитарное государство, которое на стадии экономического роста дисциплинирует рабочих и капиталистов, не может сдерживать политические претензии среднего класса и распространения "гражданского общества" [ср. 30]. Поэтому они допускают руководящую функцию бюрократического авторитаризма для фазы роста, напр., в Китае, но в перспективе считают стремление к политическому участию неудержимым.

О другом спорят политики высшего уровня Восточной Азии. Лидеры Японии, Малайзии и Сингапура высказались против западной модели модер-

низации, за свой азиатский путь дисциплины и интеграции (ср. 31). Об этом жестко говорил Ли Куан Ю, до 1990 г. премьер-министр Сингапура. Сегодня на такой позиции стоит премьер Малайзии Махатир Мохамад. Он против претензий Запада на превосходство, западных гедонизма и индивидуализма: "Страны, которые сегодня добились успеха, это те не совсем либеральные демократии с правительствами, которые играют центральную роль в экономике" [31, p. 84].

Оппозиционные политики типа Ким Тэ Чжуна в Южной Корее против такой позиции: азиатские философии и традиции вполне допускают отход от бюрократического авторитаризма и развитие институтов гражданского общества [ср. 32]. Эти дебаты - не только вклад в вопрос о самостоятельном азиатском пути модернизации, но и вклад Азии в открытые вопросы "продолжающейся модернизации".

IV

После окончания холодной войны мы видим скорее *различные* пути развития в направлении к *сходным* целям, чем принципиально альтернативные цели совершенно разных проектов будущего. В этой ситуации теория модернизации, которая в конце 70-х гг. считалась практически мертвой, как идеология позднего капитализма [ср. 33], переживает переоценку и дальнейшее развитие [ср. 34].

Если под предметной областью модернизации понимать три вещи: а) возникновение модернизированных обществ, б) процесс, в котором отстающие догоняют ушедших вперед, в) инновации модернизированных обществ, - тогда теорию модернизации следует рассматривать как прикладную теорию на уровне абстракции от "стран и дат" [ср. 14, S. 26], которая не конкурирует с базовыми парадигмами социальных наук или не идентична отдельным из этих парадигм (напр., структурный функционализм, теория эволюции). Скорее сочетания подходов, связанных с акторами, институциональными и системными подходами, с интеграцией или конфликтами, допустимы так же как и комбинации элементов теорий элит, инноваций, классов и исследования социальных структур. Множатся попытки ослабить противопоставление модернизации, зависимости, мировых систем или сочетать их [ср., напр., 35; 36].

"Сейчас дифференцированное историческое исследование модернизации, насколько я вижу, не имеет убедительных контраргументов" [37, S. 57]. Так далеко, правда, идут немногие. Но при всех возражениях стержневые элементы теории модернизации оцениваются положительно: обновление рыночной экономики во всем мире, демократия и универсализм - Дж. Александер [38] называет это неомодернизмом - или раскрытие социально-политических предпосылок рыночной организации [39]. Э. Тириалян [40] разработал программу "модернизации" или "неомодернизации", в которой инновационные силы социальных движений и потребности глобальных процессов включены в классические представления об эндогенном национально-государственном

развитии, оценивать которое следует по благосостоянию широких слоев. Признано, что непланируемые воздействия могут обогнать планируемую эволюцию [ср. 41]. Поскольку всеобъемлющее управление обществом - социалистический проект, не связанный с модернизацией, в плане теории модернизации следует внимательно подходить к "атомарно-спонтанным действиям" [26] и продолжению "старого в новом" [42].

Не оспаривается, что классическим и новым подходам теории модернизации присущ фундаментальный, антропологический оптимизм, из чего следует, с какими подходами или мировидениями она *несовместима*. В этом смысле С. Хантингтон [43] дает альтернативную парадигму ("столкновение цивилизаций") неразрешимого конфликта культур. Литература, оценивающая разрушение экологии выше, чем выигрыш от всей модернизации, несовместима с модернизационно-теоретическим истолкованием, равно как и литература, ставящая жертвы войн, насилия, неразвитости и маргинализации выше, чем плюсы интеграции и роста благосостояния в результате модернизации [ср., напр., 44].

Те, кто понимает глобализацию (капитала, информации) как мега-тренд, подрывающий способность национальных государств к действию и силу различий между цивилизациями [ср. 45, р. 63-78], отвергнут диагноз теории модернизации, что в XXI в. национальные государства будут доминировать как акторы, а наднациональные слияния их не обессилят, но консолидируют. Острые аргументы против глобализаторского тезиса и нивелирующей теории модернизации приводит Г. Терборн [46], различая четыре "двери" или "пути в/через модернизацию": революции и реформы в Европе, новый мир Америк и Океаний; наложенные извне модернизации (Япония, Египет); навязанная колониализмом открытость.

После краткого обзора новейшей литературы - заключительный вопрос: насколько была бы иной эта творческая теоретическая конкуренция, если бы теории модернизации из-за ее названных и неназванных дефектов не было? Такой мысленный эксперимент проводят авторы, не учитывающие теорию модернизации. Так, Д. Зенгхаас [47] пишет о ситуации в Китае:

"Общественный плюрализм и дальше будет набирать динамизм вследствие необратимых процессов экономической трансформации. Будет больше открытости, может появиться политически артикулируемая культура... Может быть в такой последовательности: партия-монополист без правового государства и демократии, плюрализирующаяся партия-монополист с зачатками правового государства и демократии... расширение плюрализации и образование зародышевых признаков демократического конституционного государства; все это в пределах 15-25 лет".

Р. Дарендорф [48] в дискуссии об отношении "мира ОЭСР" к азиатскому авторитаризму говорит практически о том же:

"Действительно ли альтернатива, с которой столкнутся модернизированные общества, такова: экономический рост и политическая свобода без социальной сцепки, или экономический рост и социальная сцепка без политической свободы?... Мы говорим (в общемировом проекте на следующее десятилетие. - В. Цапф), о благосостоянии для всех, повсеместном наличии

и гражданского общества и политической свободы, где бы ни жили люди. Это значит, что для нас важны в итоге не привилегированные регионы, а мир и достойные его институты".

Итак, если бы теории модернизации совсем или больше не было, ее пришлось бы придумать.

Перевод с немецкого Н.В. РОМАНОВСКОГО

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Karl T.L., Schmitter P.C. Modes of transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International social science journal. 1991. May. P. 265-284.
2. Huntington S. Democracy's third wave // Journal of democracy. 1991. P. 12-34.
3. Parsons T. Evolutionäre Universalien der Gesellschaft / Theorien des sozialen Wandels. Hrsg. W. Zapf. Köln-B. 1969. S. 56-74 (Orig. 1964); Parsons T. The system of modern societies. Englewood Cliffs, 1971.
4. Bendix R. Modernisierung in internationaler Perspektive / Theorien des sozialen Wandels. S. 505-512.
5. Eisenstadt S. Breakdowns of Modernization // Economic development and cultural change. 1964. № 12. P. 345-367.
6. Albach H. Zerrissene Netze. Eine Netzwerkanalyse des ostdeutschen Transformationsprozesses. B.: Sigma, 1993.
7. Rose R. Making progress and catching-up // Studies in public policy. University of Strathclyde. 1992. № 208.
8. Brzezinski Z. The great transformation // National interest. 1993. Fall. P. 3-13.
9. Rueschemeyer D., Huber-Stephens E., Stephens J.D. Capitalist development and democracy. Oxford. 1992.
10. Offer C. Das Dilemma der Gleichzeitigkeit Demokratisierung und Marktwirtschaft in Osteuropa // Merkur. 1991. № 4. S. 289-292.
11. Rose R. et al. Germans in comparative perspective // Studies in public policy. University of Strathclyde. 1993. №218.
12. Zapf W., Habich R. Die sich stabilisierende Transformation - ein deutscher Sonderweg? - Geplanter Wandel, ungeplante Wirkungen // WZB-Jahrbuch 1995. B.: Sigma, S. 137-159.
13. Beyme K. von. Systemwechsel in Osteuropa. Frankfurt a.M. 1994.
14. Zapf W. Die Modernisierung und Modernisierungstheorien / Die Modernisierung moderner Gesellschaften. Hrsg. W. Zapf. Frankfurt a.M. 1991. S. 23-39.
15. Offe C. Der Tunnel am Ende des Lichts. Frankfurt a.M. 1994.
16. Verba S. Sequences and development / Crises and sequences in political development. Ed. L. Binder et al. Princeton. 1971. P. 283-316.
17. Flora P. Modernisierungsforschung. Opladen. 1974.
18. Rostow W. W. The stages of economic growth. Cambridge. MASS. 1960.
19. Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Boston. 1968.
20. Rokkan S. Citizens, elections, parties. Oslo. 1970.
21. Muller K. "Modernizing Eastern Europe". Theoretical problems and dilemmas // European Journal of Sociology. 1992. № 33. P. 109-150.
22. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Oxford. 1990.
23. Streeck W. German capitalism: does it exist? Can it survive? / Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. Köln. 1995. Discussion paper 95/5.
24. Auer P. Doch nur noch eine "normale" wenn auch schwere Krise? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Verlagsbeilage Schweden. 6.11. 1995. B. 4.
25. Srubar I. Variants of the transformation process in Central Europe. A comparative assessment // Zeitschrift für Soziologie. 1994. Heft 23. S. 198-221.
26. Brie M. Russland: Die versteckten Rationalitäten anomisch-spontaner Wandlungsprozesse / Geplanter Wandel, ungeplante Wirkungen. Hrsg. H. Rudolph. WZB-Jahrbuch. B.: Sigma, 1995. S. 44-61.

27. *North D.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge. 1990.
28. *Werle R.* Institutionelle Entwicklungen als pfadabhängige Prozesse. Manuskript. Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. 1994.
29. *Beck U.* Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung. Frankfurt a.M. 1993.
30. *Han, Sang-Jin.* Economic development and democracy: Korea as a new model? // Korea Journal. 1995. Summer. P. 5-17.
31. *Mohamad Mahatir, Shihara Shintaro.* The voice of Asia. Tokyo. 1995.
32. *Han, Sang-Jin.* Economic development and democracy / Democracy in Asia. Ed. C. Aquino et al. Seoul. 1995. P. 65-84; *Lee, Eun-Jeung.* Max Weber und der "konfuzianische Kapitalismus" // Leviathan. 1995. Heft 23. S. 517-529.
33. *Wallerstein I.* Modernization: requiescat in pace / The uses of controversy in sociology. Ed. L. Coser, O. Larsen. NY. 1976. P. 283-316.
34. *Berger J.* Modernisierungsbegriffe und Modernitätskritik in der Soziologie // Soziale Welt. 1988. № 38. S. 224-236; Die Moderne - Kontinuitäten und Zäsuren. Hrsg. J. Berger // Soziale Welt. 1986. Sonderband 4.
35. *Harrison D.* The sociology of modernization and development. L. 1988.
36. *So A.* Social change and development, modernization dependency, and world system theories. Newbury Park. 1990.
37. *Wehler H.-U.* Die Gegenwart als Geschichte. München. 1995.
38. *Alexander J.* Modern, anti, post, and neo: how social theories tried to understand the "new world" of our time // Zeitschrift für Soziologie. 1994. № 23. S. 165-197.
39. *Müller K.* Der osteuropäische Wandel und die deutsch-deutsche Transformation. Zum Revisionsbedarf modernisierungstheoretischer Erklärungen / Chancen und Risiken der industriellen Restrukturierung in Ostdeutschland. Hrsg. B. Lutz, R. Schmidt. B. 1995. S. 1-42.
40. *Tiriakyan E.* Modernization: exhumetur in pace (rethinking macrosociology in the 1990s) // International Sociology. 1991. V. 6. № 2. P. 165-180; *Tiriakyan E.* Modernization in a millenarian decade: lessons for and from Eastern Europe. Manuscript. 1993.
41. Geplanter Wandel, ungeplante Wirkungen / Hrsg. H. Rudolph. WZB-Jahrbuch 1995. B.: Sigma, 1995.
42. *Stark D.* Das Alte in Neuen // Transit. 1995. Heft 9. S. 65-77.
43. *Huntington S.* The clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer. P. 22-49.
44. *Wehling P.* Die Moderne als Sozialmythos. Frankfurt a.M. 1992.
45. *Giddens A.* The consequences of modernity. Stanford. Ca. 1990.
46. *Therborn G.* Routes to/modernity / Global modernities. Eds. M. Featherstone et al. L. 1995. P. 124-139.
47. *Senghaas D.* Wie geht es mit China weiter? // Leviathan. 1996. Heft 1. S. 78ff.
48. *Dahrendorf R.* Economic opportunity, civil society, and political liberty. UNRISD discussion papers. 1995. DP 58. Geneva.